

Н. А. Добролюбов

О степени участия народности в развитии русской литературы

"Очерк истории русской поэзии" А. Милюкова. Второе, дополненное издание. СПб. 1858 г.

Вообще, что русская сатира не народна, это видно уж из того, что она противоречит народной пословице: «Лежачего не бьют».

...

Нет, мы решительно недовольны русской сатирой, исключая сатиры гоголевского периода.

Пора нам освободить жизнь от тяжелой опеки, налагаемой на нее идеологами. Начиная с Платона, восстают они против реализма и, еще не понявши хорошенько, перепутывают его учение. Непременно хотят дуализма, хотят делить мир на *мыслимое* и *являемое*, уверяя, что только чистые идеи имеют настоящую действительность, а все являемое, т. е. видимое, составляет только отражение этих высших идей. Пора бы уж бросить такие платонические мечтания и понять, что хлеб не есть пустой значок, отражение высшей, отвлеченной идеи жизненной силы, а просто хлеб -- объект, который можно съесть.

Н. А. Добролюбов

Что такое обломовщина?

("Обломов", роман И. А. Гончарова. "Отеч. записки", 1859 г., No I--IV)

Где же тот, кто бы на родном языке русской души умел бы сказать нам это всемогущее слово "вперед"? Веки проходят за веками, полмиллиона сидней, увальней и болванов дремлет непробудно, и редко рождается на Руси муж, умеющий произнести его, это всемогущее слово...

Гоголь[*]*

* Примечания к словам, отмеченным [*], см. в конце текста.

Десять лет ждала наша публика романа г. Гончарова. Задолго до его появления в печати о нем говорили как о произведении необыкновенном. К чтению его приступили с самыми обширными ожиданиями. Между тем первая часть романа, написанная еще в 1849 г. и чуждая текущих интересов настоящей минуты, многим показалась скучною. В это же время появилось "Дворянское гнездо", и все были увлечены поэтическим, в высшей степени симпатичным талантом его автора ². **"Обломов" остался для многих в стороне; многие даже чувствовали утомление от необычайно тонкого и глубокого психического анализа, проникающего весь роман г. Гончарова. Та публика, которая любит внешнюю занимательность действия, нашла утомительною первую часть романа потому, что до самого конца ее герой все продолжает лежать на том же диване, на котором застает его начало первой главы. Те читатели, которым нравится обличительное направление, недовольны были тем, что в романе оставалась совершенно нетронутою наша официально-общественная жизнь. Короче -- первая часть романа произвела неблагоприятное впечатление на многих читателей.**

....

Да, все эти обломовцы никогда не перерабатывали в плоть и кровь свою тех начал, ... не доходили до той грани, где слово становится делом, где принцип сливается с внутренней потребностью души, исчезает в ней и делается единственною силою, двигающею человеком. Потому-то эти люди и лгут беспрестанно, потому-то они и являются так несостоятельными в частных фактах своей деятельности. Потому-то и дороже для них отвлеченные воззрения, чем живые факты, важнее общие принципы, чем простая жизненная правда. Они читают полезные книги для того, чтобы знать, что пишется; пишут благородные статьи затем, чтобы любоваться логическим построением своей речи; говорят смелые, вещи, чтобы прислушиваться к благозвучию своих фраз и возбуждать ими похвалы слушателей. Но что далее, какая цель всего этого читанья, писанья, говоренья,-- они или вовсе не хотят знать, или не слишком об этом беспокоятся. Они постоянно говорят вам: вот что мы знаем, вот что мы думаем, а впрочем,-- как там хотят, наше дело -- сторона...

.....

Слово это -- *обломовщина*.

Если я вижу теперь помещика, толкующего о правах человечества и о необходимости развития личности,-- я уже с первых слов его знаю, что это Обломов.

Если встречаю чиновника, жалующегося на запутанность и обременительность делопроизводства, он -- Обломов.

Если слышу от офицера жалобы на утомительность парадов и смелые рассуждения о бесполезности *тихого шага* и т. п., я не сомневаюсь, что он Обломов.

Когда я читаю в журналах либеральные выходки против злоупотреблений и радость о том, что наконец сделано то, чего мы давно надеялись и желали,-- я думаю, что это всё пишут из Обломовки.

Когда я нахожусь в кружке образованных людей, горячо сочувствующих нуждам человечества и в течение многих лет с неуменияющим жаром рассказывающих все те же самые (а иногда и новые) анекдоты о взяточниках, *о притеснениях, о беззакониях всякого рода*,-- я невольно чувствую, что я перенесен в старую Обломовку...

Остановите этих людей в их шумном разглагольствии и скажите: "Вы говорите, что нехорошо то и то; что же нужно делать?" Они не знают... Предложите им самое простое средство,-- они скажут: "Да как же это так вдруг?" Непременно скажут, потому что Обломовы иначе отвечать не могут... Продолжайте разговор с ними и спросите: что же вы намерены делать?-- Они вам ответят тем, чем Рудин ответил Наталье: "Что делать? Разумеется, покориться судьбе. Что же делать! Я слишком хорошо знаю, как это горько, тяжело, невыносимо, но, посудите сами..." и пр. (См. Тург. Пов., ч. III, стр. 249). Больше от них вы ничего не дождетесь, потому что на всех их лежит печать обломовщины.